

На правах рукописи

Закаблукова Татьяна Николаевна

**СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА КАК СЮЖЕТНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ
ОСНОВА РОМАНОВ «ЧУРАЕВЫ» Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА И
«УГРЮМ-РЕКА» В.Я. ШИШКОВА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Красноярск 2008

Работа выполнена на кафедре русской литературы
ГОУ ВПО «Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева»

Научные руководители:

кандидат филологических наук, профессор Размахнина Валерия Каллистратовна кандидат филологических наук, доцент Садырина Татьяна Николаевна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Собенников Анатолий Самуилович
кандидат филологических наук, доцент
Плюхин Владимир Иванович

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Алтайский государственный
университет»

Защита состоится 19 ноября 2008 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.099.12 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ФГОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» по адресу: 660049, г. Красноярск, ул. Ленина, 70, ауд. 204.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Сибирского федерального университета.

Автореферат разослан «15» октября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

И.В. Башкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

АКТУАЛЬНОСТЬ работы обусловлена усилением интереса современной филологической науки к «локальным» культурным и литературным «гнездам», а также к специфике зарождающихся в них писательских традиций и поэтике появляющихся в этой среде текстов. Одним из принципиальных аспектов развития региональной словесности является ее неуклонное движение к эпической форме. В этом отношении появление в региональной литературе семейной хроники как жанровой вариации романа представляет собой исключительно репрезентативный пример выработки поэтологических параметров областной словесности. Художественная природа романов «Чураевы» Г.Д.Гребенщикова и «Угрюм-река» В.Я.Шишкова способствует как выявлению характерных особенностей произведений региональной сибирской литературы, так и постановке проблемы «семья и эпоха» в общелитературном развитии.

Жанровую определенность семейной хронике придает локус «отчего дома», который замыкает на себя весь событийный ряд и сохраняет признаки домашности и семейственности в самой организации пространственно-временного континуума. Семейная хроника, по мнению Н.Н.Страхова, может быть охарактеризована двумя особенностями, на которые указывает ее название: во-первых, это простой, бесхитростный рассказ, без всяких завязок и запутанных приключений, без наружного единства и связи. Во-вторых, это была семейная, т.е. не происхождения отдельного лица, на котором должно сосредоточиваться все внимание читателя, а события так или иначе важные для целого семейства. Отличительной особенностью семейной хроники является движение (смена) поколений в контексте соответствующих исторических эпох. При этом время измеряется продолжительностью жизни поколений, а историческая эпоха представлена через призму частной жизни. В развитии художественной семейной хроники, как отмечает И.П.Видуэцкая, обычно действуют представители трех последних поколений, а история рода в более отдаленные времена в сжатом виде сообщается в начале. Она создает своеобразный зачин, являющийся знаком того, что перед нами семейная хроника.

Классическим образцом этой жанровой формы является «Семейная хроника» С.Т.Аксакова (1856), оказавшая, по утверждению ряда исследователей (С.Машинский, В.В.Кожин и др.), влияние на развитие русской прозы XIX века и, в первую очередь, на появление и укоренение в ней «мысли семейной» («Война и мир» и «Анна Каренина» Л.Н.Толстого, «Подросток» и «Братья Карамазовы» Ф.М.Достоевского и др.). Это, в свою очередь, нашло дальнейшее развитие в литературе XX века. На грани полного исчезновения патриархального уклада И.А.Бунин напишет повесть «Суходол» (1911), последнюю «летопись» (как называет ее сам писатель) чисто семейного масштаба и плана, так как возможности жанра будут исчерпаны с уходом самодостаточного локуса.

Однако семейная хроника не только не исчезает, но и приобретает новое значение на рубеже XIX-XX веков в качестве сюжетно-типологической основы. Динамика экономического развития превращала семью в репрезентативную единицу сложных общественных процессов. Семья всегда представляла от лица сословия, класса, национальной общности или общности региона, но теперь она втягивалась в сферу многообразных социальных связей, оставаясь при этом собственно семьей с присущими ей родовыми чертами. В таком контексте история семьи становится сюжетно-типологической основой повествования, порой разрастающегося до масштабов эпопеи. Эту закономерность можно наблюдать в литературах некоторых стран Европы (Германия, Франция, Великобритания), а также в литературах США и России.

Такой тип организации текста восходит к «Ругон-Маккарам» Э.Золя (1871-1893). Полное название этого романного цикла определяет перспективы развития семейной темы у последователей Золя: «Естественная и социальная история одной семьи в эпоху Второй империи». Соединив эти два плана, Э.Золя через историю семьи раскрывает историю общества. Семья и эпоха становятся ключевыми понятиями. В дальнейшем формы их взаимодействия будут меняться, но типология общего принципа приобретет универсальный характер. Появление романов Д.Н.Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» (1884), Т.Манна «Будденброки» (1901), «Саги о Форсайтах» Д.Голсуорси (1906-1921), повести М.Горького «Дело Артамоновых» (1925), трилогии о Сноупсах У.Фолкнера (1940-1959) было продиктовано запросами времени и имело как общественный, так и художественный резонанс. Каждая семейная история рассматривается здесь с точки зрения кардинальной проблемы века – противоречий буржуазной цивилизации, охватывающей все уровни личного и общественного бытия. Реально-историческое время и время индивидуально-психологическое здесь неразрывны, более того – объективный ход истории подчиняет и вбирает в себя представления и ощущения персонажей. Эта форма повествования сохраняет черты традиционности, восходящей к семейной хронике XIX века, и одновременно под влиянием развивающихся буржуазных социально-экономических отношений вносит свои коррективы в структуру текста.

Стремление расширить пределы повествования, имеющего вполне частный характер, разомкнуть малое в великое – становится влиятельным художественным принципом литературы XX века. Значимое место в этом ряду занимает творчество Уильяма Фолкнера, и особенно его трилогия о Сноупсах: «Деревушка» (1940), «Город» (1957), «Особняк» (1959). Проблемы века, судьба личности, роль и предназначение человека в мире рассматриваются на локальном пространстве, которое типологически соотносимо с российскими территориями – Уралом или Сибирью. Творчество У.Фолкнера является ярким примером «южной традиции» в литературе США. Не исключено, что «сибирская традиция» могла бы сыграть в русской литературе аналогичную роль, если бы не была

насильственно прервана революцией, гражданской войной и последовавшей за этим идеологизацией литературного творчества.

Подтверждением тому служит появление в начале XX века в сибирском регионе таких писателей, как Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1882 (по др.св. 1883) – 1964) и Вячеслав Яковлевич Шишков (1873-1945), чье творчество соотносимо с традициями классической литературы. Возможность соотнесения с русской и европейской классикой выводит эти произведения за грань собственно сибирской литературы в значении географической принадлежности и превращает в явление регионализма, концепция которого выкристаллизовывалась постепенно. В свою очередь, формирование этой концепции, выведившей региональное произведение на уровень общезначимой проблемы «семья и эпоха», оказало существенное влияние на появление в сибирской литературе жанровой романной формы, в которой семейная хроника проявила себя в качестве сюжетно-типологической основы.

Принимая во внимание большое количество разноплановых исследований, посвященных как общему анализу произведений Г.Д.Гребенщикова и В.Я.Шишкова, так и «Чураевым» и «Угрюм-реке», следует отметить, что тема сибирской семьи была в них только затронута. Естественным образом из предшествующих работ вытекает и постановка проблемы «семья и эпоха». Однако специального ее исследования не проводилось, хотя оба произведения дают обширный материал для него. Под этим углом зрения «Чураевы» и «Угрюм-река» выдвигаются в качестве **объекта исследования.**

Целью диссертации является исследование типологических черт сибирской семейной хроники, составляющей сюжетную основу романа-эпопеи Г.Д.Гребенщикова «Чураевы» и социально-психологического романа В.Я.Шишкова «Угрюм-река».

Поставленная цель включает в себя следующие задачи:

1. Рассмотреть типологию семейной хроники «Чураевых» и «Угрюм-реки» в контексте общего развития русской и зарубежной литературы.

2. Обозначить структуру семейной хроники в романах «Чураевы» Г.Д.Гребенщикова и «Угрюм-река» В.Я.Шишкова, рассмотреть ее типические художественные компоненты (сюжетные линии, образы, мотивы, категории времени и пространства).

3. Выявить и соотнести специфические черты сибирской семейной хроники, художественно реализованные в двух оригинальных литературных вариантах, представляющих результат творческой индивидуальности авторов, своеобразие двух позиций в решении проблемы «семья и эпоха».

Методология исследования основывается на принципах сравнительно-исторического и структурно-типологического анализа материала. В процессе работы мы будем опираться на научные концепции, выдвинутые в трудах по истории и теории литературы М.М.Бахтиным, Ю.М.Лотманом, Е.М.Мелетинским, Л.Я.Гинзбург и др. При исследовании материала сибирской литературы методологически значимыми являются

работы по истории литературы Сибири М.К.Азадовского, Ю.С.Постнова, В.П.Трушкина, Н.Н.Яновского, Б.А.Чмыхало и др.

Учитывая акцентирование проблемы «семья и эпоха», мы будем обращаться к теоретическим и практическим исследованиям в области социологии семьи (С.С.Крюкова, Ю.М.Гончаров и др.), данным социальной и демографической статистики второй половины XIX – начала XX века.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

1. Впервые семейная хроника рассматривается в структуре «сибирского романа» как сюжетно-типологическая основа произведения с ее типическими художественными компонентами и обобщениями, раскрывающими родовые связи поколений с их специфическим сибирским содержанием.

2. В работе предлагается новый подход, основанный на типологическом сопоставлении внутренней структуры региональной и классической художественной семейной хроники, что позволяет увидеть в их содержательной близости закономерность развития сибирской литературы указанного периода и формирование сибирского варианта семейной хроники.

3. Проблема «семья и эпоха» впервые исследуется на материале произведений, попавших в силу социально-идеологических условий в разные культурные пласты литературы XX века (роман В.Я.Шишкова в купированном виде после цензурной обработки стал одним из самых популярных в литературе советского времени, выдержал ряд изданий, роман-эпопея сибиряка-эмигранта Г.Д.Гребенщикова был долгое время неизвестен в России, впервые семь томов «Чураевых» были изданы в полном объеме в 2006-2007 годах).

Практическое значение диссертации в возможности использования материалов и результатов исследования в курсе лекций по истории русской литературы, а также при составлении учебных программ, спецкурсов и спецсеминаров по региональному литературоведению и культуре Сибири. Кроме того, исследование может иметь практическое значение для сибирских писателей, ищущих свои пути в литературе.

Апробация работы. Основные положения данного исследования опубликованы в форме статей в сборниках Красноярского государственного педагогического университета им.В.П.Астафьева, Алтайского государственного университета, Бийского педагогического государственного университета им.В.М.Шукшина, Горно-Алтайского государственного университета. Результаты исследования и основные выводы диссертации обсуждались на научных конференциях в г.Барнауле, Красноярске и на кафедре русской литературы КГПУ им.В.П.Астафьева.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается тема диссертации, излагается историография проблемы, определяются задачи и цели исследования. Также говорится об актуальности, методологии, научной новизне и практической значимости работы.

Глава I «Типология семейной хроники в романах «Чураевы» Г.Д.Гребенщикова и «Угрюм-река» В.Я.Шишкова» посвящена выявлению круга вопросов, связанных с особенностями семейной хроники в романах «Чураевы» и «Угрюм-река», движением поколений, своеобразием типологии поколений и образов.

Параграф первый «Семейная хроника «Чураевых» и «Угрюм-реки» в контексте классической и региональной литературы» посвящен выявлению типичных особенностей семейной хроники как в качестве жанровой формы («Семейная хроника» С.Т.Аксакова, «Суходол» И.А.Бунина), так и в виде сюжетно-типологической основы («Ругон-Маккары» Э.Золя, «Приваловские миллионы» Д.Н.Мамина-Сибиряка, «Будденброки» Т.Манна, «Сага о Форсайтах» Д.Голсуорси, «Дело Артамоновых» М.Горького и др.).

В сибирской литературе семейная тема поднималась авторами с момента появления первых романов и повестей. Однако до сих пор не выявлено произведений, представленных в жанровой форме семейной хроники в его классическом понимании. Семейная хроника в сибирской литературе проявила себя в качестве сюжетно-типологической основы романа. Роман подобного плана появился не сразу и его становление соотносится с формированием сибирского литературного регионализма.

На первом этапе (30-50-е годы XIX века) в произведениях сибирских авторов («Сохатый» Н.А.Полевого, «Дочь купца Жолобова» И.Т.Калашникова) семейная тема только заявлена. Семья представлена своеобразным бастионом, внутри которого каждый его представитель оценивался функционально, в зависимости от вклада в укрепление материальной основы. Молодые герои стремятся к семейному единению, находят здесь свое спасение и счастье. Свадьбой кончаются все их беды и горести. Несмотря на различные сюжеты и жанровые особенности романов и повестей в сибирской литературе этого периода семья остается лишь фоном, на котором развиваются события из жизни героев.

На втором этапе (вторая половина XIX в.) пристального освещения семейных проблем еще не отмечается. Семья представлена локальным пространством, из которого в «большую» жизнь уходит главный герой, как правило, за пределы сибирского топоса («Николай Негорев, или Благополучный россиянин» И.А.Кущевского, «Шаг за шагом» И.В.Федорова-Омулевского) и является начальным этапом в становлении личности героя. Вопрос разлада в семейных отношениях был поднят и в романе Г.Н.Потанина и Н.М.Ядринцева «Тайжане», который остался

незавершенным. Напряженные отношения в семье и бесперспективность духовного развития в тяжелой атмосфере «каторжной» Сибири заставляет героиню искать пути к выходу за пределы прииска и тайги, которую она воспринимает как тюрьму.

Обострение семейного вопроса явилось отражением развития новых социально-экономических отношений к концу XIX века, под воздействием которых во многом менялся привычный семейный порядок. Эти изменения обусловили то, что подчиненные члены семьи начинают осознавать себя самостоятельными личностями и стремятся избавиться от пут, сковывающих их индивидуальность. Разворачивается сложный и болезненный процесс вычленения личности из общего и коллективного, который в литературе проявил себя в качестве антисемейного мотива.

В произведениях сибирской литературы этого периода нашли свое отражение мотивы разрушения целостности патриархальной семьи: отказ героя от нее ради высокой цели; использование семейных отношений ради карьеры; отсутствие родительского внимания к воспитанию детей. Семья представлена в двух аспектах: как начальный этап формирования личности и как цепи, сковывающие индивидуальность героя. Однако внимание сибирских авторов сосредотачивается не на исследовании семейных отношений и проблем семьи, а на личности героя-сибиряка и социальных предпосылках, обусловивших его становление в том или ином качестве.

На третьем этапе (конец XIX – первая треть XX в.) складывается качественно иная модель взаимодействия литературы Сибири с литературой центра. Суть ее заключается в том, чтобы войти в общий литературный процесс на паритетных началах, вступить в диалог с центром и расширить границы сибирского менталитета. Границы оппозиции «внутренний – внешний взгляд» размываются. Типичным становится обобщенный образ Сибири, соотносимый с Россией в целом. Этот этап, как отмечает Б.А.Чмыхало, важен завершением формирования подсистемы русской литературы, сущностной основой которой становится самосознание сибирского субэтноса, что позволило говорить в дальнейшем о региональной сибирской литературе. Залогом жизнеспособности такой подсистемы становится многообразие, активное «умножение» литературных связей и звеньев. В сибирской литературе «прорастают» традиции классической русской и зарубежной литературы, ее магистральные идеи и художественные открытия. В том числе, на почве сибирского регионализма появляется общезначимая тема «семья и эпоха», ставшая наиболее актуальной на рубеже XIX–XX веков.

То, что Г.Д.Гребенщиков и В.Я.Шишков утверждают в литературе на этом этапе, во многом определяет развитие их творчества, которое нельзя рассматривать в традиционном понимании «местного колорита» или «областничества»: ему присущ как качественно иной уровень, так и иной характер взаимодействия с литературой центра. Преодолевается обособленность региональной литературы и ее явления оформляются в относительно самостоятельную «подсистему», обладающую собственной

внутренней типологией и присущей ей спецификой. Причем, в этом случае речь идет не о прямом сопоставлении «Чураевых» и «Угрюм-реки» с такими произведениями как «Ругон-Маккары» Э.Золя, «Сага о Форсайтах» Д.Голсуорси, «Дело Артамоновых» М.Горького и др., а именно о типологии концептуального отражения реальности, обобщенных сюжетах и образах. Задачей Г.Д.Гребенщикова и В.Я.Шишкова становится осмысление проблем века, общества, человеческой судьбы, личности, соотнесение «сибирских» и «общечеловеческих» тем. В связи с этим процесс разложения большой патриархальной семьи, ставший залогом формирования в сибирском регионе новых буржуазных семейно-родовых отношений, в «Чураевых» и «Угрюм-реке» рассматривается в контексте общечеловеческих проблем разрушения семейного рода, обусловленного динамикой общественного развития. Так на первый план выходит проблема «семья и эпоха», где семейная хроника перестает быть собственно семейной и вбирает в себя события и факты, соотносимые с определенным историческим отрезком.

Следует отметить, что в разработке сюжетных линий, образов и общей концепции семейной хроники Гребенщиков и Шишков опирались, в первую очередь, на личные наблюдения, исследования условий жизни и быта сибиряков, которые легли в основу «Чураевых» и «Угрюм-реки». Создавая образы героев и сюжеты, писатели сочетали подлинно существовавшее с творческим вымыслом. Лица, события, факты, имевшие место в реальной жизни, стали фундаментом в творческом замысле авторов. Однако, несмотря на то, что замысел и сюжетная организация романов были окончательно сформированы Шишковым и Гребенщиковым в 1910-х годах, по ряду различных причин творческое воплощение в виде произведений состоялось несколько позднее.

Опираясь на общие тенденции региональной и мировой литературы, Г.Д.Гребенщиков и В.Я.Шишков через историю семьи отразили в «Чураевых» и «Угрюм-реке» период социального коллапса и кардинальной перестройки социально-экономических отношений в Сибири начала XX века. Поднятая писателями проблема «семья и эпоха» высветила в этих произведениях тему «судьбы народной», противостояния и социальной борьбы, приводящих к вымиранию и крушению семейных кланов.

В параграфе втором «Типическое в сюжетных линиях патриархальных поколений сибирской семьи в семейной хронике «Чураевых» и «Угрюм-реки» рассматриваются типические черты патриархальных поколений, являющихся важными составляющими структуры семейной хроники рода Чураевых и Громовых. Значимым в повествовании о первом поколении (поколении основателей семьи) становится мотив переселения, который имеет место и в русской, и в зарубежной классической семейной хронике («Семейная хроника» С.Т.Аксакова, «Ругон-Маккары» Э.Золя, «Сага о Форсайтах» Д.Голсуорси). Со своими особенностями и на своем уровне мотив переселения проявляется и в семейной хронике «Чураевых» и «Угрюм-реки», где «приход» основателя в Сибирь связан с желанием отказаться от прежней жизни и начать все

заново на новом месте. По мере развития действия в повествование вносится мотив «укоренения» предков в Сибири и освоения ими нового места проживания.

В сюжете о жизни основателей на первый план выходит повествование о главе семьи – мужчине, что характерно для изображения в русской литературе традиционной семьи патриархально-родового типа, где женщине отводилась подчиненная роль. У Гребенщикова таким героем является Агафон Чураев, у Шишкова – Данила Громов. Собственно с рассказа о «приходе» этих героев в сибирский край и начинается семейная хроника и в «Чураевых», и в «Угрюм-реке». Основатель сибирской семьи представлен авторами в образе благообразного старца, сильного духом и твердого в вере.

Но авторы не случайно делают акцент именно на внешнем благообразном облике старцев, не сразу раскрывая сущность этих героев и оборотную сторону их «праведной» жизни. История прежней жизни основателей, как и мотивы их появления в Сибири, окутаны тайной. Сибирский топос служит для основателей местом тайного убежища. В «Чураевых» возникновение такого образа Сибири во многом обусловлено обращением прозы к теме русского раскола, в «Угрюм-реке» – к историям о бродягах-разбойниках. Греховная жизнь предка становится в будущем причиной бед потомков, что обусловило появление в тексте сквозного мотива греха.

Таким образом, в семейной хронике «Чураевых» и «Угрюм-реки» становится значимым образ основателя с типологическими обобщенными характеристиками: при внешней схожести с ликами святых и показной благочинности в его воплощении доминирует мотив греха. Основатель предстает и «святой иконой», и бродягой-разбойником одновременно. Имея далеко не безупречное прошлое, он является созидателем собственного мира. При этом как созидатель выступает только в материальной сфере, создавая «с нуля» хозяйство и закладывая базу будущего материального благополучия семьи, не взирая на нравственные и моральные нормы. Мотив греха, в свою очередь, тесно связан со сквозным мотивом покаяния и дополняется мотивом страха за будущее потомков, на которых ложится основная тяжесть искупления родительских преступлений. Главной функцией основателя в семейной хронике становится создание в замкнутом локусе своего родового сообщества, в основе организации которого лежат патриархальные традиции.

Основной функцией следующих патриархальных поколений является продолжение рода и укрепление сословного статуса семьи. Здесь родственные отношения еще подчинены общности, а семья действует как единая и неделимая единица под руководством главы. Повествование в дальнейшем развивается в настоящем времени и прямой последовательности как рассказ «по поколениям», объединяющим родственников по отцовской линии. При этом локальная символика места проживания в семейном сознании ассоциирована с личностью главы рода и его жизненной ориентацией. Характеристика местности, с одной стороны, и членов семьи –

с другой, взаимно влияют и создают собирательный образ локально-родственной семейной группы.

Но если дальнейшая жизнь семьи Чураевых представлена в локусе основателей, где сохраняются традиции и устои предков, то Громы после смерти деда Данилы покидают таежную заимку и обрывают связь с местом рождения. Таким образом, если в «Чураевых» место проживания остается существенным фактором мифологизации прошлого, то в «Угрюм-реке» новое место жительства семьи становится точкой отсчета ее утверждения в новом сословном статусе.

А.П.Казаркин отмечает, что система взаимодействия персонажей в «Чураевых» восходит к роману Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы». В этом его поддерживает К.В.Анисимов. На наш взгляд, речь здесь не идет о прямом заимствовании. Тем более что сюжет о байстрюке у Гребенщикова несет иную, чем у Достоевского, нагрузку: Еремка-мясник становится своего рода искупительной жертвой за грехи не только собственные, но и семейные. Сюжет о братьях Чураевых имеет в основе сказочный архетип, где в системе взаимодействия действующих лиц три брата, из которых младший – «дурак», что ни поля не вспашет, ни хлеба не посеет, но на свой лад поймает «жар-птицу». Именно этот архетип, отображающий распри в семье в силу упадка патриархальных традиций, по мнению Е.М.Мелетинского, в какой-то степени возрождается в «Братьях Карамазовых», конечно невольно и совершенно стихийно. Руководствуясь собственной творческой концепцией, Гребенщиков использовал этот архетип в семейной хронике «Чураевых» и в рамках «формы» Достоевского по-своему изобразил судьбу сибирских крестьян-старообрядцев с внесением в текст семейной хроники «местного колорита», быта и своеобразного менталитета сибиряков.

Структура большой семьи Чураевых представляет собой оригинальную модель сибирского социума, где персонажи имеют характерные черты представителей основных общественных групп населения Сибири. Так, если глава семьи Чураевых является приверженцем старых патриархальных устоев крестьян-старообрядцев, то старший сын Ананий стремится стать предпринимателем, средний Викул представляет купеческое сословие, младший Василий – зарождающуюся сибирскую интеллигенцию. В составе семьи и две сестры – замужняя Анна и незамужняя Груня. Пока жив отец, никто даже и не помышляет о выходе из семьи – единение опирается на волю и авторитет родителя. Однако после смерти главы семьи в большой семье происходит окончательный раскол, и единый родовой союз прекращает свое существование. В отличие от Чураевых поколение продолжателей рода Громыных является малой семьей, представляющей простейший элемент семейной структуры – два родителя и сын-наследник.

Описание генетических признаков принадлежности потомков к тому или иному семейному роду является вполне устойчивым определением, но социальный статус в условиях новой буржуазной эпохи по мере развития действия меняется. Эту тенденцию можно наблюдать, например, у Э.Золя в «Ругон-Маккарах». Следуя своему творческому замыслу, и Шишков, и

Гребенщиков отражают процесс изменения сословного статуса семей в «Угрюм-реке» и «Чураевых».

Важнейшей в повествовании о третьем поколении Чураевых и втором – Громовых является тема конфликта отцов и детей, разрушение патриархальных устоев, а затем и родственных связей. Связано это с тем, что в свете новой буржуазной эпохи семья уже не представляется «надежным бастионом». В свое время, как отмечает Е.М.Мелетинский, это было ярко показано Достоевским в «Братьях Карамазовых», где «семейный хаос» был сконцентрирован в образе главы семьи – Федора Карамазова. В романах «Чураевы» Г.Д.Гребенщикова и «Угрюм-река» В.Я.Шишкова «семейный хаос» соотносится авторами с личным, психологическим восприятием сыновьями деяний отца. Стремление отцов подавить сыновей, заставить служить своим интересам, идущими вразрез с новым мировоззрением детей, становится одной из главных причин конфликта между поколениями. Двуличие и лукавство отцов оказывает негативное влияние на психологию подрастающего поколения наследников, подготавливая их к роли антагонистов родительской семьи. Авторы акцентируют внимание на том, что в начале XX века, когда патриархальность разрушалась повсеместно, противостояние поколений заканчивается не в пользу отцов: для Фирса Чураева – смертью, для Петра Громова – сумасшедшим домом и лишением прав на капитал.

В параграфе третьем «Типическое в сюжетных линиях поколения наследников-антагонистов в семейной хронике «Чураевых» и «Угрюм-реки» отдельно рассматривается поколение, формирующееся не столько под влиянием семьи, сколько исторических событий и социально-экономических перемен эпохи. Представители этого поколения становятся разрушителями традиционных патриархально-родовых устоев.

В повествовании во всей полноте и на достаточно высокой ступени обобщения разворачивается коллизия не только родственного, но и общественного плана как в бытовой, так и в духовной сфере. Однако если в «Чураевых» доминирует конфликт духовного плана, то в «Угрюм-реке» – материального и в значительной мере бытового. Это связано и с характеристикой главных героев: Василий Чураев – правдоискатель, подвижник-идеалист, Прохор Громов – прагматик и собственник. Взаимоотношения поколений отцов и детей у Гребенщикова и Шишкова представлены не только в личностном плане, но и как постоянный конфликт между старым и новым, традицией и современностью. При этом разграничительные линии между поколениями проходят через стадии взросления и обретения дееспособности, а смена поколений трактуется как постоянное воспроизводство культурных различий.

Молодые герои отрицают сложившиеся патриархальные семейные традиции: сами выбирают себе невесту, самостоятельно определяют сферу своей деятельности, в конце концов, покидают «родовое гнездо», становясь основными виновниками полного краха всего семейного рода. Одновременно на их долю приходится роль искупителей грехов,

накопленных предыдущими поколениями. Авторами особо отмечается: самые ответственные решения герои принимают в возрасте тридцати трех лет. Этот рубеж, раздумья и размышления о жизни и своем месте на Земле становятся для них отправной точкой в духовном развитии. Анализируя пройденный жизненный путь, герои выносят себе обвинительный приговор.

По мере того как Василий и Прохор взрослеют, каждый из них начинает осознавать себя самостоятельной личностью и стремится избавиться от патриархально-родовых уз, сковывающих их индивидуальность. Пребывание в семейном быту для них тяжело, а выход из быта трактуется, как освобождение. Именно поэтому и Василий Чураев, и Прохор Громов стремятся либо уйти от семьи, либо абстрагироваться от нее и жить собственной жизнью, логичной только для самого себя. Дальнейшее развитие действия, да и сама развязка напрямую зависит от выбора жизненной цели. Герои находятся в момент рождения и становления нового мира и вынуждены меняться через него сами, отрицая устои и традиции воспитавшей их патриархальной семьи.

Гребенщиков акцентирует внимание на перемене, произошедшей в Василии Чураеве после нескольких лет, проведенных в Москве: герой абстрагируется от семьи и все происходящее анализирует с точки зрения стороннего наблюдателя. С течением времени между отцом и сыном возникает противостояние в вопросах морали, нравственности и духовности, которое выливается в открытый протест Василия против «старой» веры, утратившей свои высокие принципы. Автор показывает своего героя одновременно обличителем и виновником, праведником и грешником, решительным и сомневающимся человеком – в любом случае – это яркая индивидуальность, уже не вмещающаяся в рамки семейной хроники.

Шишков, в свою очередь, акцентирует внимание на том, что личность и характер его героя-протагониста формируются под влиянием условий существования в новых буржуазных социально-экономических условиях конца XIX – начала XX века – времени зарождения капитализма в России. Собственническая доминанта в семейных отношениях роднит Громовых с Форсайтами, Будденброками, Артамоновыми, святость семьи которых покоится на святости собственности и капитала.

Важнейшим в сюжете главного героя и в «Чураевых», и в «Угрюм-реке» становится мотив «блудного сына», который является традиционным для областнической прозы и оказался достаточно стойким в региональной литературе. Важной особенностью в «Чураевых» является то, что он усилен мотивом «возрождающегося изгнанника», проявившем себя в сюжетах о скитаниях и поисках своего места в жизни братьев Василия – Еремы и Викула. Это вносит и дополнительный акцент в духовные искания главного героя. Истории братьев Чураевых, события их жизни образуют в семейной хронике пересекающиеся сюжетные линии, в каждой из которых акцентирован мотив возвращения к духовным истокам. Автор пытается разобраться в проблеме жизненной ориентации героев, соединяя в

постоянном компромиссе борьбу за выживание в новых условиях эпохи и попытки найти собственный путь, который сможет избавить от личного участия в социальном зле.

В сюжете о Василии Чураеве мотив «блудного сына» перерастает в духовный путь исканий, в которых первым этапом становится отказ от старообрядческой отцовской «святой веры» и отрицание духовных ценностей семьи, взрастившей и воспитавшей героя-протагониста. Второй этап духовных исканий героя проходит в научных экспедициях. Отказавшись от отцовской веры, он безуспешно пытается найти свою, истинную через осмысление философских и религиозных воззрений Востока. Третий этап – поиск Чураевым смысла в простой земной жизни. Однако семейные отношения не выдерживают этого испытания. Супруги постепенно отдаляются друг от друга. Этому есть несколько причин, самые важные из которых греховность их брака, общая вина за погубленную жизнь Викула, разное социальное происхождение и воспитание, и, как следствие, невозможность объединить два своих внутренних мира.

Добившись благополучия и достатка для семьи, Василий приходит к мысли, что хозяйствующий человек слишком погружен в мир повседневности, что приводит к отстранению от духовных ценностей. Перед героем два пути: благополучного хозяйствования, который в свое время выбрал его отец, и тернистый путь защитника устоев веры. Василий выбирает второй и начинает с покаяния. На четвертом этапе духовных исканий судьба испытывает героя страданием за брата. Кроме того, Василий делает решающий шаг – оставляет семью и выбирает новую спутницу жизни. Пятым этапом в духовных исканиях героя становится испытание огнем и кровью. Именно здесь появляется мотив чуда, который проявляет себя на стыке авантюрного и реалистического времени. Здесь выделяются два вида чуда: совершаемое самим героем и как проявление высших сил. Пройдя очищение через испытание огнем и кровью, герой с честью выдерживает его, чудом оставшись в живых вопреки своей «официальной смерти». Воскрешение становится для Чураева символическим началом новой жизни.

Т.Г.Черняева отмечает не только биографическую, но и психологическую близость автора «Чураевых» и его главного героя. Соглашаясь с исследователем, отмечаем, что герой Гребенщикова не столько автобиографичен, сколько автопсихологичен: и в тексте романа, и в письмах автора отмечено явное совпадение размышлений и выводов писателя и его героя.

Автор не дает окончательного ответа, нашел ли истинную веру Василий Чураев и в чем она состоит. Завершая седьмой том романа-эпопеи «Чураевы», Гребенщикова оставляет своего героя на перепутье, определив основу этой веры – бескорыстная и искренняя великая Любовь. В итоге после всех своих скитаний и поисков Василий Чураев стоит лишь в начале единственно верного пути к познанию высших духовных ценностей. В дальнейшем, по замыслу Гребенщикова, пройдя через многие испытания, Василий должен был, как и его братья, найти свою дорогу к Храму. Так

писатель планировал завершить «Чураевых»: публикуя в 1924 году «Былину о Микуле Буяновиче», в предисловии он приводит перечень всех 12 томов задуманной эпопеи (только 7 томов из них вышли в печати – Т.3.), завершающим из которых является «Построение Храма».

В отличие от Гребенщикова Шишков решает сюжет о «блудном сыне» не на бытовом, а на метафорическом уровне: Прохор Громов возвращается не в родные места, а к собственным истокам, к осознанию того, что он непоправимо разрушил. Его трагедия в том, что, осмысляя совершенное зло, он уже не имеет возможности в полной мере раскаяться и хоть что-то исправить. Сюжет судьбы Прохода Громова имеет определенные, четко отграниченные этапы становления героя в том или ином качестве. Первым этапом становится начало жизненного пути, где Прохор-романтик мечтает преобразить тайгу, осчастливить людей. В рамки первого этапа становления героя заключено и первое путешествие на Угрюм-реку, во время которого он чуть было не погиб. Это становится первым серьезным жизненным испытанием, знаменующим символической смертью героя, после которой он, как успешно выдержавший испытание, возвращается к жизни уже в новом статусе. Здесь же появляется и мистический образ – шаманка Синильга, которая в трудные минуты приходит ему на помощь. На втором этапе автор превращает своего героя из романтика в жесткого дельца и корыстного собственника, который концентрирует все силы не на духовном поиске, а укреплении своего материального благополучия, на «своем деле». Отношение Прохора к вере формально и прагматично. Его жажда самореализации теперь связана не с созиданием и стремлением преобразовать мир, оставить в нем свой след, а лишь с экспансией, захватом, покорением. Люди и их реальные интересы становятся производными от деловой рациональности, семейные отношения героя и связанные с ними патриархальные традиции разрушаются. На третьем этапе автор акцентирует внимание на болезненном психическом состоянии главного героя, причиной которого становятся его необузданные страсти и гордыня, генетически заложенная греховность и власть «дела», основанного на эксплуатации и не одухотворенного высокой идеей. Это проявляется и в семейных отношениях, и в деловой сфере. «Падение» Прохора Громова ставит проблему ответственности личности перед обществом и историей. Осмысление героем жизненных коллизий приводит его, с одной стороны, к духовному возрождению, с другой (в связи с замыслом писателя) – к физической гибели.

Полностью отказавшись от традиционных форм семейной организации прежних поколений, сложившихся веками религиозных воззрений, родительской семьи и родного дома, почти на генетическом уровне наследники-антагонисты все-таки сохраняют основы, которые дают возможность восстановить то, что отрицалось ими ранее. Важным в этом случае является осознание наследниками-антагонистами необходимости осмысления опыта жизни поколений для развития семейных отношений в условиях новой эпохи.

Глава II «Художественная специфика семейной хроники в соотнесенности с сибирской региональной традицией» посвящена выявлению традиций и специфики описания сибирской семьи в семейной хронике «Чураевых» и «Угрюм-реки», особой роли образа Сибири.

В параграфе первом «Традиционные элементы сибирской специфики в семейной хронике «Чураевых» и «Угрюм-реки» акцентируется внимание на традиционных мотивах семейной хроники и их специфических «сибирских» особенностях.

Традиционными в семейной хронике являются мотив создания семьи и мотив разрушения семейных отношений. Несмотря на внешнее противопоставление, они имеют внутреннюю причинную связь. Важной здесь является мотивировка вступающих в брак и причина, лежащая в основе заключения супружеских отношений. Эти мотивы проявляются в сюжетах о жизни поколений.

Свое отражение в семейной хронике «Чураевых» и «Угрюм-реки» находит эволюция традиций в заключении брачно-семейных союзов от патриархальных до новых, не связанных с прежними сословными ценностями. Так, если у Шишкова молодой купец-предприниматель Прохор Громов выбирает себе в супруги дочь богатого купца Куприянова, оставаясь в рамках сословно-брачных традиций патриархальности, то у Гребенщикова его герои, сибирские крестьяне (сначала Викул, а потом и Василий Чураев), заключают брачный союз с представительницей столичной интеллигенции. Главной определяющей здесь становится преследуемая героями цель: Чураевы стремятся вырваться из замкнутого круга и познать цивилизованную жизнь, а герой Шишкова пытается посредством женитьбы приумножить свое состояние.

Сближая таких разных героев, как Нина и Прохор, Шишков пытается психологически исследовать мотивы, побудившие этих героев к созданию семьи. В первую очередь, это взаимовыгодный для Громовых и Куприяновых расчет, но не менее важной здесь является и романтическая влюбленность героев. Однако тут же автор акцентирует внимание на разницу в образе жизни героев, воспитании, образовании и мировоззрении. Нина привлекает Прохора именно своей непохожестью на тех женщин, с которыми ему доводилось общаться. Подобная мотивация, но с несколько другим оттенком, прослеживается и в истории знакомства Василия Чураева и Надежды. В общении с образованной москвичкой молодой старообрядец-сибиряк чувствует себя робким и неловким, но живо интересуется столичной жизнью, тянется к наукам. Немаловажное значение в истории создания семьи Василия и Надежды имеет сюжет любовного треугольника. Диссонанс в их отношения вносит появление в Москве старшего брата Чураева – Викула, за которого героиня выходит замуж, невзирая на явную бесперспективность такого брака. Автор акцентирует, что героиня делает роковую ошибку, руководствуясь лишь чувствами, а не разумом. Но далее Гребенщиков не углубляется в исследование психологических оттенков ситуации, а лишь

подробно описывает происходящие события, предоставляя читателю сделать выводы самостоятельно.

По мнению А.Левинсона, в создании брачного мезальянса москвички и сибиряка-старообрядца явно прослеживается столкновение двух миров: старого крестьянского и современного городского, Чураевки и Москвы. К.В.Анисимов, в свою очередь, полагает, что странная и необъяснимая связь москвички и Викула понятна только с опорой на областной контекст метафоры взаимоотношений «центра» и Сибири. Соглашаясь с исследователем, мы отмечаем, что здесь представлен метафорически не только неудачный брак москвички и сибиряка, но и любовный треугольник, имеющий большое значение в семейной хронике Чураевых. Вторжение москвички не только разрушает духовный мир нетронутого цивилизацией Викула и вкусившего плоды столичного образования Василия, но и разбивает жизнь сибирской семьи. Любовный треугольник Викул-Надежда-Василий представляется замкнутым пространством, из которого выход один – полный разрыв отношений с представительницей цивилизованного мира. Особое значение в этом любовном треугольнике приобретает и мотив греха.

Причиной заключения брака Василия и Надежды становится вынужденная необходимость официально оформить отношения в связи с рождением ребенка (Надежда убегает с Василием, будучи беременной от Викула – *Т.З.*). Однако отношения супругов не выдерживают испытания временем и «земной жизнью». Невозможность объединить два своих духовных мира становится для супругов Чураевых важной причиной разрушения семейных отношений. Так в повествовании появляется мотив духовной несовместимости. В общих чертах такое исследование Г.Д.Гребенщиковым психологии семейной жизни может быть соотнесено с размышлениями Л.Н.Толстого в романе «Анна Каренина». Однако, в отличие от Толстого, который дает шанс Левину и Кити выйти на новый уровень семейных отношений, Гребенщиков отказывает своим героям в этом и старается доказать, что духовная несовместимость супругов становится важной предпосылкой разрушения брака. Мотив духовной несовместимости проявляет себя и в «Угрюм-реке». Однако у В.Я.Шишкова о непостижимости высокого духовного начала размышляет не главный герой, а его спутница. Автор не подвергает ситуацию психологическому анализу и повествует лишь о чувственной стороне отношений, а мотив духовной несовместимости в дальнейшем переплетается с мотивом власти золота. И это закономерно – герои принадлежат одному сословию с его своеобразным купеческим взглядом на жизнь.

И у Гребенщикова, и у Шишкова герои несчастливы в собственной семье и находятся в постоянной противостоянии со своей «половиной» – будь то духовная или материальная сфера. Мотив разрушения семейных отношений усилен мотивом «любовного треугольника» и появлением в судьбе главного героя «роковой женщины». В «Чураевых» это Августа Серкова, в «Угрюм-реке» – Анфиса Козырева. Образы этих героинь восходят к традиционному образу раскаявшейся грешницы.

Любовный треугольник занимает важное место в развитии действия и является переломным этапом в судьбе главного героя. Ведущим в сюжете любовного треугольника является мотив любви. Однако если Гребенщиков открывает духовную, жертвенную, созидающую сторону любви, то Шишков показывает разрушительную сущность любовной страсти, губящей людские судьбы.

В отличие от Шишкова, заканчивающего свой роман гибелью главного героя, Гребенщиков завершает седьмой том «Чураевых» не только сюжетом о чудесном воскрешении главного героя Василия Чураева, но и рассказом о Кондратии Чураеве и его семье, на которую автор возлагает высокую миссию восстановления былого величия и славы рода. Особое значение в тексте имеет сюжет о семье Полуяровых, где впервые Гребенщиков показывает счастливую сибирскую семью, живущую в согласии, любви и достатке.

Структура семейной хроники в «Чураевых» выстраивается автором в качестве отдельных сюжетных линий, связанных не только с семьей главного героя, но и его братьев и сестер – без этого история рода Чураевых была бы неполной. Сюжеты, связанные с кровными родственниками, служат необходимым дополнением в авторском исследовании формирования новых семейных отношений после разрушения большой патриархальной семьи Фирса Чураева.

В параграфе втором «Сибирская специфика «женского вопроса» в семейной хронике «Чураевых» и «Угрюм-реки» акцентируется внимание на развитии «женского вопроса» в русской литературе, полемике по поводу места женщины в общественной жизни (Н.Г.Чернышевский, Ф.М.Достоевский, Н.Н.Страхов, Л.Н.Толстой), исследовании этой темы, ставшей актуальной на рубеже XIX-XX веков, в «Чураевых» и «Угрюм-реке».

В семейной хронике «Чураевых» и «Угрюм-реки» «женский вопрос» становится отражением процесса разрушения семейных отношений и имеет свое развитие, соотносимое с историей жизни поколений. Так, в рассказе о патриархальных поколениях и у Гребенщикова, и у Шишкова характеристика жены главы семейства либо практически отсутствует, либо ей присущи лишь дополнительные функции в сюжетной линии о главе семьи. В сюжете о жизни следующих патриархальных поколений жена уже занимает свое место в развитии действия. В «Чураевых» – это Прасковья Филатьевна, в «Угрюм-реке» – Марья Кирилловна. В тексте появляется описание ее внешнего облика, характера и присутствует авторская оценка супружеских отношений. Авторы акцентируют внимание, что в условиях патриархальной семьи судьба жены в большей степени зависит от главы семьи, супруга. И Гребенщиков, и Шишков в этом случае лишь описывают реальное положение дел. К концу XIX века социальное положение женщины меняется законодательно – особенностью ее статуса в семье становится относительная экономическая самостоятельность. Причем, как отмечали современники, сибирячки отличались чертами характера и поведением: они были более энергичными,

активными, предприимчивыми, самостоятельными, а их образовательно-культурный уровень порой был намного выше, чем у супруга.

В отличие от своих предшественниц, жена главы семьи поколения наследников-антагонистов показана эмансипированной женщиной, имеющей значительную экономическую и социальную свободу, возможность выбирать сферу деятельности, даже преуспевать на выбранном поприще. Такими являются жены главных героев «Угрюм-реки» и «Чураевых» – Нина Громова (Куприянова) и Надежда Чураева (Никитина). Именно с этими героинями связан в большей степени «женский вопрос», ставший немаловажным фактором упадка семьи.

Важным мотивом разрушения супружеских отношений является стремление героини к самоопределению. Описывая семейные отношения главных героев, Гребенщиков и Шишков доказывают, что экономическая независимость и социальная активность женщины не сплачивают сибирскую семью, а наоборот, подвигают к распаду. Это соотносится с литературной традицией, сложившейся во второй половине XIX века, когда женская эмансипация считается одной из основных причин разрушения семьи (Л.Н.Толстой, Н.Н.Страхов).

Гребенщиков и Шишков не отказывают женщине ни в получении образовании, ни выбора сферы общественной деятельности, но при условии, что на первое место для нее должны выйти муж, дом, семья, дети. Оставляя практически без внимания роль женщины в патриархальных поколениях, в повествовании о жизни поколения наследников-антагонистов авторы последовательно излагают историю жизни героини до брака, знакомства будущих супругов, рассказывают о причинах создания семейного союза и проблемах, приводящих к его разрушению. Также акцентируется внимание, что при всех своих достоинствах эмансипированная героиня более несчастна, чем ее предшественницы, и духовно одинока.

Впитав веяния новой буржуазной эпохи, молодые героини Шишкова и Гребенщикова пытаются обрести независимость от главы семьи и психологически готовы к равенству в браке. Однако их мужья еще находятся в плену устоявшихся стереотипов патриархальности и не готовы к равноправию. Это несоответствие взглядов становится еще одной причиной разрушения отношений между супругами.

Эволюция семейных отношений наследников-антагонистов проходит свой путь от любви до вражды, ненависти и полного равнодушия друг к другу. Отсутствие взаимопонимания героев, их отстраненность при стремлении к индивидуальному самоопределению постепенно приводят к разрыву семейных отношений. При этом «женский вопрос» у Гребенщикова и Шишкова представлен не частным случаем из жизни сибирской семьи, а рассматривается в контексте эпохи как типичное явление.

В параграфе третьем «Образ Сибири в семейной хронике «Чураевых» и «Угрюм-реки» как важная составляющая в изображении быта семьи сибиряка» уделяется внимание тому, как складывался образ

Сибири в литературе, раскрывается его важное значение для семейной хроники и в целом для романов «Чураевы» и «Угрюм-река».

Образ Сибири, представленный в художественной литературе, многозначен и имеет различные оттенки: все зависит от концепции автора и его творческой задачи. Образ имеет свою ментальность, которая включает представления, чувства, ценностные ориентации, систему восприятия окружающего и личных взглядов писателей. Характерной особенностью, как отмечают Б.А.Чмыхало, К.В.Анисимов, становится трактовка образа Сибири с точки зрения двух основных позиций литераторов – «внешняя» и «внутренняя». Во «внешнем» тексте выделяются представления о Сибири как жестокой и безотрадной экзотической стране, месте изгнания, беспредельном пространстве мифологической «страны мертвых». Появляется и многозначный образ Сибири, вобравший в себя и устоявшиеся в литературе «сибирские штампы», и собственные впечатления автора. Антитезой «внешнему» тексту явился текст «внутренний» с типическими представлениями сибиряков о своей малой родине: благословенный край, сатирическое восприятие настоящего Сибири и надежды на ее «светлое будущее», «тайное место» укрытия.

Стоит отметить, что к началу XX века образ Сибири в литературе постепенно утрачивает диаметрально противоположные признаки принадлежности к одному из типов сибирского текста – «внешнему» или «внутреннему». Появляется новый многозначный, расширенный образ региона, вобравший в себя и этнографо-географические признаки, и социально-экономические приметы эпохи, в корне меняющие прежние традиции, устои и образ жизни местного населения. Именно таким он предстает в семейной хронике «Чураевых» и «Угрюм-реки».

Так, Гребенщикову Сибирь видится в образе прекрасной земли, олицетворяющей родное, близкое пространство. В.Я.Шишков обращает внимание на влияние сибирских условий: люди, живущие здесь – крепкие, суровые, спутанные по рукам и ногам своей жизнью, но в то же время способные на доброту, сострадание. В семейной хронике человек и природа тесно связаны, но в то же время индивидуальны и самостоятельны. При этом общим свойством сибирских топосов является замкнутость, изолированность, где тайга и лес являются границей между цивилизованным миром и заветным. Река – образ многофункциональный. Это одновременно и естественная преграда, и путь в цивилизованный мир, и знаковый рубеж в жизни героев, и особый символ в жизни сибиряка. Восхищение авторов природой сибирского края отнюдь не означает, что от их внимания ускользают реалии жизни. Наоборот, величественные пейзажи и лирические зарисовки лишь оттеняют противоестественность человеческих отношений. Реалистическое изображение «беспросветности и чудовищного идиотизма жизни» старой таежной деревни проявилось не только в творчестве несибиряка В.Я.Шишкова, но и коренного сибиряка Г.Д.Гребенщикова.

Метафорическое восприятие Шишковым Сибири обусловило появление в тексте «Угрюм-реки» большого количества мифологем,

различных по тематике. Среди них особо выделяются синкретичные – рожденные сознанием русского человека под влиянием культуры коренного сибирского народа (тунгусов) и особенностей региона. Процесс синкретизации язычества эвенков и христианства русского населения отразился как в фольклоре обоих народов, так и в сибирской литературе. Одним из вариантов такого отражения в романе Шишкова является мифологема о тунгусской красавице-шаманке Синильге в сюжете о главном герое Прохоре Громе. При этом само предание о шаманке имеет в своем составе несколько отдельных самостоятельных сюжетов: о Синильге и Антипе; о Синильге и солдате; о Синильге и Прохоре. Мифологеми в «Угрюм-реке» имеют свой особый смысл, являются неотъемлемой частью повествования и неразрывно связаны с сюжетом. Более того, раскрытие их значения и смысла помогает произвести углубленный анализ романа в психологическом аспекте.

Немаловажное значение в романе Шишкова имеет экологический мотив, обусловленный размышлениями писателя о покорении региона, которое оборачивается «стонами тайги». Гребенщиков, в свою очередь, не акцентирует внимание на борьбе человека с природой. Внимание автора привлекают люди, живущие в суровых сибирских условиях. Примеры гармоничного сосуществования человека и природы показаны Гребенщиковым и Шишковым в сюжетах о сибирских отшельниках, для которых добровольное затворничество в тайге и единство с природой становится предпосылкой к осмыслению своего бытия и познания Бога. В «Угрюм-реке» – это сюжет об Анании и Назарии. У Гребенщикова созвучен в этом аспекте сюжет о братьях-отшельниках Викуле и Ереме Чураевых.

Не оставляют без внимания Гребенщиков и Шишков и такую важную составляющую культуры коренных народов Сибири как шаманизм. Авторов привлекает не только внешняя форма камлания, «артистичность», с которой выступает шаман, поразительное его перевоплощение в священном экстазе, но и проблемы слияния культуры коренных народов с русской культурой и православием.

Сибирь у Гребенщикова и Шишкова играет особую роль в жизни каждого поколения семьи и Чураевых, и Громовых. Она является для героев не только хранительницей родовой памяти, но и знаковым образом «тайного убежища», кладовой, матери или мачехи, родины и родного дома. Образ «родного дома» в семейной хронике является одним их ключевых и имеет относительно устойчивые черты, определяемые, в первую очередь, личным восприятием героев. Гребенщиков и Шишков этнографически точно описывают постройки и внутреннее убранство жилищ Чураевых и Громовых. При этом у строений имеется своя история, неразрывно связанная с историей всей семьи. Дом – конечный этап пути в стремлении героев обрести ощущение покоя и стабильности. От поколения к поколению понятия Сибири и родного дома начинают сближаться, а в дальнейшем – сливаются воедино. Причем, если для Чураевых хранителем исторической памяти семьи в большей степени становится природа сибирского края и все, что с нею

связано, то Громы рассматривают Сибирь только через призму своего «дела», через то, что выстроено ими на этой земле. Такое восприятие можно назвать колонизаторским, «пришлым», в то время как для героев Гребенщикова Сибирь – родной и близкий край. Это во многом обуславливает, что для Чураевых образ Сибири отождествляется с образом матери, а для Громовых сибирская природа выступает чаще всего в образе суровой мачехи.

Образ Сибири в семейной хронике «Чураевых» и «Угрюм-реки» представляет собой сложную и многогранную систему из нескольких составляющих, которую можно условно назвать «миром». Эти составляющие связаны между собой и имеют относительно устойчивые черты, определяемые не только «местным колоритом», но и личным восприятием героев, характеризуются географическими, биологическими, этнографическими и психологическими основами, формирующими уклад и традиции сибирской семьи. При этом образ Сибири в семейной хронике имеет оттенки не только возвышенного идеала, но и является олицетворением суровых обстоятельств, преодолевая которые человек должен либо выжить, либо погибнуть.

В заключении подводятся итоги исследования, обосновываются некоторые термины, имеющие отношение к семейной хронике, определяются принципы организации ее повествования, особенности, характерные для сибирского текста, что позволяет говорить о сибирской семейной хронике как сюжетно-типологической основе романа-эпопеи «Чураевы» и социально-психологического романа «Угрюм-река», формулируются основные выводы, следующие из содержания работы, намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Особо отмечаем, что сюжетная линия противостояния отцов и детей вносит в текст антисемейный мотив, который разрушает семейную хронику. Центральной сюжетной линией становится путь духовных исканий главного героя, повествование о котором уже выходит за рамки семейной хроники. Такая композиция явилась отражением исторического процесса, в котором был характерным не только отказ от семейных корней, но и противостояние им. Поэтому именно семейная хроника в «Чураевых» и «Угрюм-реке» во многом стала отражением эволюции регионального самосознания сибиряков как на бытовом, так и на идейно-духовном уровне.

Семейная хроника в романах «Чураевы» и «Угрюм-река» является уникальным явлением в сибирской литературе. Помимо традиционных жанровых особенностей она имеет присущие только ей признаки – образ основателя сибирской семьи и сюжет о его «приходе», мотив «блудного сына», проявляющийся в линии жизни главного героя, художественный образ «мира» Сибири. Все вышперечисленное позволяет ввести в терминологический обиход словосочетание сибирская семейная хроника.

Рассматривая романы «Чураевы» и «Угрюм-река» в контексте исторического литературного развития, можно утверждать, что Г.Д.Гребенщиковым и В.Я.Шишковым впервые были представлены темы,

создавшие потенциал и определившие перспективу развития сибирского романа со всеми его характерными особенностями. Эти произведения, даже при всех недостатках художественного плана, были способны стать образцами нового сибирского романа. Несмотря на то, что дальнейшая советская идеологизация литературы не дала такой возможности, в историко-культурной ретроспективе «Чураевы» и «Угрюм-река» могут рассматриваться не только как значимые произведения региональной литературы, но и как памятники русской культуры, являющиеся материалом для исследования во многих областях гуманитарных наук.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Закаблукова Т.Н. Образ Сибири в семейной хронике романов Г.Д.Гребенщикова «Чураевы» и В.Я.Шишкова «Угрюм-река»//Мир науки, культуры, образования, №1(8). – Горно-Алтайск, 2008. С. 57-59.
2. Закаблукова Т.Н. Духовные искания Василия Чураева// Алтайский текст в русской культуре. Вып.2. – Барнаул, 2004. С.27-34.
3. Закаблукова Т.Н. Сибирские мифологемы в романе В.Я.Шишкова «Угрюм-река»//Научный ежегодник КГПУ им.В.П.Астафьева. Вып.4. Т.2. – Красноярск, 2004. С.170-174.
4. Закаблукова Т.Н. «Кладовая», «Храм», «дом» как знаковые образы в произведениях о Сибири//Научный ежегодник КГПУ им.В.П.Астафьева. Вып.4. Т.2. – Красноярск, 2004. С.219-221.
5. Закаблукова Т.Н. Мотив «блудного сына» в романе-эпопее Г.Д.Гребенщикова «Чураевы»// Алтайский текст в русской культуре. Вып.3. – Барнаул, 2006. С.12-17.
6. Закаблукова Т.Н. Образ основателя семьи в сибирской семейной хронике//IV Астафьевские чтения в Красноярске: национальное и региональное в русском языке и литературе. – Красноярск, 2007. С. 257-265
7. Закаблукова Т.Н. Семейная хроника в контексте сибирского романа//Художественный текст: варианты интерпретации. Труды XII Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х ч. Ч.1. – Бийск, 2007. С.221-226.
8. Закаблукова Т.Н. «Женский вопрос» в семейной хронике «Чураевых» Г.Д.Гребенщикова и «Угрюм-реки» В.Я.Шишкова// Художественный текст: варианты интерпретации. Труды XIII Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х ч. Ч.1. – Бийск, 2008. С.105-109.
9. Закаблукова Т.Н. Семейная хроника в классической и региональной литературе// Алтайский текст в русской культуре. Вып.4. – Барнаул, 2008. (в н.вр. находится в печати).